

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Шажеева Наталья Анатольевна

к.и.н., старший научный сотрудник ЦСПИ КБНЦ РАН, г. Нальчик

E-mail: Disana05@mail.ru

Этнический радикализм, как правило, возникает в стохастической среде, когда ни внутренняя политика государства, ни экономические реалии не могут быть спрогнозированы. Если же управленческие структуры – в результате неточной оценки ситуации осложняют существующие системы межэтнического общежития социально-политических, этнических, правовых, экономических реалий, то процесс накапливания и разрешения противоречий в обществе может приобрести моноконтролируемый характер.

В этом смысле ситуация на Северном Кавказе, ее развитие, начиная с конца 80-х годов XX века представляет собой яркий пример постоянного не всегда корректного вмешательства государственных управленческих структур федерального центра в полиэтничный и многоконфессиональный конгломерат регионального сообщества [3].

Возникновение и развитие общественных процессов, приведших национальные субъекты Северного Кавказа к нынешнему своему положению видимым истоком своим имеет эволюцию в сфере научных и культурных интересов интеллигенции народов региона, связанные с глобальными изменениями внутри страны, начавшиеся после 1985 года. Объединения по интересам, сложившиеся в верхушке интеллектуальной и творческой элиты Кабардино-Балкарии еще в доперестроечный период, во второй половине 80-х получили официальное оформление в виде нескольких культурно-национальных организаций.

Первоначально деятельность национальных организаций была реально ограничена именно вопросами общегуманитарного характера.

Однако уже на рубеже 80-х – 90-х годов XX века содержание деятельности национальных организаций претерпевало существенные изменения. Обозначились первые конфликты национальных интересов кабардинского и балкарского народов. Они не лежали в сфере обеспечения институтов жизнедеятельности этносов, поэтому, на наш взгляд, были искусственно привнесены в их общественную практику. Речь идет, конечно же, о первом и самом серьезном противоречии в устремлениях кабардинцев и балкарцев, зафиксированном в оппозиции «Хасэ» и «Тёре» по земельному вопросу.

Политизация деятельности и «Хасэ», и «Тёре» была обусловлена влиянием недавно возникших контингентов первоначальной бизнес-элиты Кабардино-Балкарии, а, в свою очередь, ее интерес к национальным движениям был инициирован изменением общей социально-политической и, главное, электоральной обстановки в стране. Противодействие новой элите общества со стороны кругов властной компетенции, традиционных для СССР, привело формирующееся бизнес-сообщество к осознанию обязательности обладания легитимной властью. Тем более, что социально-политическая обстановка в стране этому вполне способствовала.

В Кабардино-Балкарской Республике также образовался узкий круг людей, обладавшей в конце 80-х – начале 90-х, пожалуй, наиболее мощным экономическим ресурсом. При выраженном ослаблении местных властей, начальных процессах дезинтеграции государства, фактической недееспособности вертикали общесоюзной государственности сохранить самое себя, сформировавшаяся оппозиция сделала ставку на национальные движения в условиях официально объявленной демократии.

Состояние властных органов на местах было точной проекцией соответствующих структур столицы страны, в наметившихся же в Кабардино-Балкарии политических процессах возник момент консолидации общественных движений по причине временного совпадения интересов. Думается, что какой-

то контингент участников национальных движений реально полагал, что с изменением кадрового состава высших управленческих структур измениться общая социально-политическая обстановка и в республиках Северного Кавказа.

В эту часть входили и те группы кабардинской и балкарской творческой элиты, которые и стояли у истоков национального движения. Политические амбиции некоторой части деятелей национальных организаций простирались до гарантированных мест в будущем составе высших властных органов.

Национальные движения Кабардино-Балкарии, если не принимать во внимание некоторые декларативные выпады в адрес друг друга, действовали вполне синхронно и координированно, что, конечно же, обеспечивалось идеологическим влиянием и финансовыми подпитками.

Однако радикальные этнические устремления некоторой части деятелей и лидеров балкарского национального движения не были секретом ни для кого. Эта часть деятелей надеялась на то, что произойдет масштабная смена кадров высшего управленческого звена.

Но положение дел быстро менялось. И менялось уже во многом с подачи кабардинской стороны, в этот момент активно занятой налаживанием внутрорегиональных связей с национальными движениями всего Северного Кавказа. Идеи образования «Северокавказской Федерации» (в вариантах – «Конфедерации») впервые прозвучали еще в конце 80-х годов, активнейшими провозвестниками этой политической линии были деятели кабардинского и, в целом, адыгского национального движения. В 1991 году после принятия Грузией новой Конституции четко обозначились центробежные тенденции в Абхазии.

Предотвращать прогнозируемую государственную дестабилизацию Грузии, России в новых геополитических условиях и с учетом стремительно разрушавшейся экономики было попросту невыгодно. В то же время идеи Северокавказской Конфедерации требовали принятия мер по обеспечению

собственной целостности, так как перспектива возникновения консолидированной группы этносов Северного Кавказа, объединенных общей территорией проживания и в границах этой территории соприкасающихся с Абхазией, действительно могла показаться угрожающей – по крайней мере, в перспективе.

Поэтому уже весной 1991 года был принят «Закон о реабилитации репрессированных народов»[2]. Поверхностная оценка данного документа свидетельствует о том, что в пределах Российской Федерации он был обращен именно на Северный Кавказ, где в подавляющем своем большинстве и проживали депортированные в свое время народы. И консолидированность политических устремлений всего региона была полностью нарушена. Таким образом, территориальные претензии народов Северного Кавказа друг другу приобрели нормативную базу, очаги напряженности и конфликтов – в Дагестане это был ареал проживания чеченцев-аккинцев, для ингушей – территория осетинского Пригородного района, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии сняли проблему возможного объединения этносов региона в единое целое.

Одновременно с этим Федерация активизировала сепаратистские тенденции на уровне субъектов. В Кабардино-Балкарии была публично озвучена идея образования республики Балкария.

Своеобразной страховкой Москвы на случай нежелательного разворачивания событий оставался «Закон о реабилитации репрессированных народов», однако реализационная его часть была совершенно несостоятельна, тем более – с учетом правовой асимметричности закона. Реабилитация репрессированных народов, как минимум, должна была проходить параллельно восстановлению систем хозяйствования и обеспечению додепартационного уровня жизненной безопасности невыселенных народов, каковым, например, в ряде случаев были присоединены территории репрессированных этносов в счет

изъятия их исторических земель; после возвращения депортированных народов в конце 50-х годов XX века, изначально изъятые территории возвращены не были.

Таким образом, в случае возникновения правовых коллизий при реальной попытке отделения части народов от России, «Закон о реабилитации» мог оказаться нефункциональным. Понимая это, структуры федерального центра, ответственные за целостность и безопасность государства инициировали принятие, по крайней мере, еще двух пакетов нормативных документов, еще более раздробивших политическую карту Северного Кавказа – это законы о возрождения казачества [1] и законы о местном самоуправлении [4].

Уже к концу 90-х годов прошлого века политическая активность национальных движений свелась к нулю.

К сожалению, приходится констатировать, что превентивные действия государства, долженствующие предотвратить центробежные устремления национальных субъектов региона во многом исходили из недостаточно верных посылок. Озабоченные иллюзорной консолидированностью народов Северного Кавказа в их якобы сепаратистских попытках, государственные структуры основной акцент своих действий ориентировали на создание систем нетрадиционного оппозиционирования этносов региона. Угроза отторжения южных республик от Российской Федерации при этом сохранила свою теоретическую перспективу – впрочем, на уровне этнического целеполагания не столь значительную – а вот степень радикализованности наиболее активных групп населения при этом достиг нежелательных масштабов.

Список литературы:

1. Закон « О казачестве» от 1994 г. – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.

2. Закон о реабилитации репрессированных народов. – От 26 апреля 1991 г., № 1107-1. – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.
3. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2003 – 419 с.
4. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления», от 6 июля 1991, № 1550-1. - . – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.